

18+

Никита Перевалов

РИТА

Сборник рассказов

Никита Перевалов

Рита. Сборник рассказов

<https://litres.ru/74370552>

ISBN 9785007105316

Аннотация

С этого сборника начался мой литературный путь. Здесь собраны рассказы, действия которых происходят не в наши дни, но присутствует то, ради чего мы живем. Это чувство, без которого никто из нас не может обойтись. Речь идет о любви. И только о ней.

Содержание

Рита	8
Нежданный гость	21
Метель в моем сердце	41
Злопамятные чувства	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Рита

Сборник рассказов

Никита Юрьевич
Перевалов

© Никита Юрьевич Перевалов, 2026

ISBN 978-5-0071-0531-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Никита Перевалов

С б о р н и к

Р а с с к а з о в

Рита

2019 — 2024

(Работа Никиты Перевалова).

Никита Юрьевич Перевалов. 2024 г.

Рита

Юлия Началова — Капли на стекле

1

Часы в комнате тихо, но ласково постукивали. Иногда отставали, а иногда шли правильно.

Мужчина сидел на кресле, глубоко задумавшись над чем-то. Его глаза были закрыты, словно никогда и не открывались.

Рядом ходил «его» сын, лет восемнадцати, а в гостиной и его жена, лет тридцати семи.

Он мог бы так сидеть без конца, но если бы не этот голос: — Леонид Михайлович, — прошептала кухарка, — просыпайтесь! Уснули, голубчик. Обед уже готов.

Он сразу же открыл свои глаза, потому что перестал слышать шелест осенних, но еще с запахом весны... листьев.

— Я не спал, Людмила Ивановна, — сказал он, дотронувшись до своего лица, а после поднялся с кресла. — Я никогда не сплю. Я только мыслю.

— Удивительный вы человек, Леонид Михайлович. Вы, когда маленьким были, тоже так говорили. Ваша мать все ходила и удивлялась. Говорила, что такие мысли не могут

быть у ребенка, а только у гения.

— Царствие ей небесное... — прошептал он, взглянув на портрет покойной матери, который висел на стене.

Он вышел за дверь и оказался в коридоре, который и вел в гостиную, где уже были «его» сын и жена. Когда он вошел в гостиную, то она сразу же увидела его.

— Дорогой, ты уже проснулся? — удивилась она.

— Père (отец), доброе утро, — прошептал сын, ковыряясь в обеденном пюре.

— Уже день, Игорь Арнольдович, день, — напомнила старая кухарка.

Леонид Михайлович тихо прошел до своего места, где он обычно и сидел.

— Доброе, доброе, — прошептал он.

Все начали обедать.

— Дорогой, что-то случилось? — решила узнать его жена.

— Все хорошо, — ответил он.

Сын встал, а после сказал:

— Разрешите оставить вас.

Он не дождался разрешения и сразу же оставил их наедине.

— Дорогой, долго ли ты будешь так бездельничать?.. Нам нужны деньги. Игорь уходит на службу, а потом и невеста появится. Не пора ли нам продать твоё имение?..

— Прекрати, — сказал он, слегка ударив по столу. — Не смей и вспоминать о нём!..

Она встала, распрямив свои плечи.

— Леонид Михайлович, покиньте комнату, — сказала она, отвернувшись от него. — Ты живешь в моем доме. Думаю, что ты помнишь об этом... И я не собираюсь терпеть твое бездельничество!..

Он хотел промолчать, но все же сказал:

— А вы, Жанна Владимировна, задумывались, откуда берется бездельничество?

— И думать даже не хочу, — ответила она, указывая на дверь.

Он мог бы и уйти от Жанны Владимировны навсегда, но не было возможности, потому что должен был ей крупную сумму денег. И ей не хотелось его отпускать, потому что любила, не глядя на все обстоятельства. Любила. Наверное.

Он направился к двери, но Жанна Владимировна успела дотронуться до него.

— Леонид... — прошептала она.

— Мне нужно прогуляться, — сказал он, убрав ее руку.

Он ушел, тихо прикрыв дверь.

2

Леонид Михайлович собирался уже уходить, но его заметила Людмила Ивановна.

— Леонид Михайлович, я должна вам сказать.

Он повернулся к старушке.

— Не обращайтесь ко мне на «Вы», Людмила Ивановна. Говорите «ты». Вы мне в матери годитесь.

Она долго молчала, не отводя своего взгляда от него, а вскоре сказала:

— Леня, она приехала...

Он услышал то самое ласковое «Леня», которое произносила лишь одна женщина на этом свете.

— Кто?.. — удивился он, почувствовав весну. — Кто приехал?

— Маргарита Николаевна.

Он уронил шляпу, а после и сигару.

Все замерло.

— Где она?

— Я видела ее у Центрального парка.

— Вы видели ее одну?

— Да, она совершенно одна. Она все также одинока, после вашего с ней расставания.

— Вы разговаривали с ней?

— Да. Маргарита Николаевна сказала, что живет недалеко от нас. Думаю, что вы можете ее увидеть, если прямо сейчас пойдете по Центральному парку.

Леонид поднял свою шляпу, наступив на сигару, и сразу же выбежал на улицу, где была одна — единственная дорога, которая и вела к парку.

Леонид дошел до фонтана, что находился в парке. Он сел на скамейку, с которой начал поглядывать по сторонам, пытаясь увидеть ту, ради которой он и пришел сюда.

Остановился черный автомобиль. Из него вышла Маргарита Николаевна, а за ней, словно собачка, выбежал личный фотограф, чтобы сделать несколько фотографий на память о Родине.

— Маргарита Николаевна, позвольте сказать вам, чтобы вы встали именно к фонтану.

На ней было персиковое платье, с длинными рукавами, свисающими вниз, а на голове, конечно же, волосы, но они были великолепно закручены. Пышные, но с виду неряшливые волосы, спускались прямо на великолепные глаза. Легкий ветерок помогал убирать их на место.

Она подошла к фонтану, не заметив Леонида, который продолжал сидеть на скамейке.

— Так? — решила узнать она, сделав нежное, грациозное движение рукой, чтобы фото было таким же великолепным.

— Позвольте, — сказал фотограф, прищурив свой глаз, глядя в старый аппарат.

Он прыгал перед ней, словно кузнечик. Кузнечик, делающий фотографии.

— Великолепно! — сказал он, улыбаясь. — Великолепно! Вы просто великолепие!

— Merci (спасибо), — сказала она, случайно увидев Лео-

нида. — Ах! C'est pas possible! (Не может быть!).

Фотограф был удивлен:

— Qu'est-ce qu'il y a, Margarita Nikolaevna? (Что такое, Маргарита Николаевна?).

Она смотрела на Леонида, как и он на нее. Рядом шумела вода, но она решила уступить свое время для птиц, которые сразу же начали петь.

— Леонид... — нежно прошептала она, медленно направляясь к нему.

— Рита, — сказал он и взял ее в свои объятия.

Фотограф стоял недолго. Он сел в автомобиль и уехал куда-то далеко.

Леонид крепко обнимал свою прошлую любовь.

У нее виднелись слезы, но она держалась.

— Леонид, как я рада тебя видеть!

— Рита, моя дорогая, почему ты меня не поставила в известность?

— Прости, прости, прости! Не стоит говорить много слов! Прощу тебя, давай вместе проведем вечер!

От нее все также пахло медом и лавандой.

— Позволь пригласить тебя в приличное заведение.

— Я согласна.

Они сидели за прекрасным столом, распивая шампанское

и, вспоминая все, что было, но, к сожалению, уже прошло.

— Леонид, а ты помнишь, как ты мне цветы через окно дарил? — с улыбкой спросила Маргарита.

— Помню, — улыбочиво ответил Леонид.

— Ах-ха-ха-ха! Моя мама все время ходила и караулила! Пришел ли Ленька... или не пришел. Да... было время.

— Было, — сказал он, не отводя взгляд от нее.

— Как ты вообще живешь, Леонид? Семья, наверное, уже есть?

— Есть, — ответил он, потеряв свою улыбку. — Жена, а у нее есть сын. Ну, он мне не родной... получается.

Маргарита хотела сделать маленький глоток шампанского, но от слова «сын» ей перехотелось.

На ее глазах виднелись слезы, но она их прятала.

— Как твоя жизнь, Рита?

— Все хорошо, — ответила она, посмотрев в другую сторону.

— Ты уверена?

— Да...

Она протянула к нему свои руки, а он сразу же нежно их схватил. Леонид держал их так сильно, словно ему не хотелось их отпускать.

— Леня, — нежно сказала она.

— Что такое?

— Можно ли мне к тебе обратиться?

— Я слушаю.

Ее губы слегка тряслись, но она все равно смогла сказать:
— Отвези меня в наш дом. Отвези меня в сад, по которому я так соскучилась, как и по тебе. Мой милый, прошу!

Он встал, а после спросил:

— Ты действительно хочешь туда?

— Да, — дрожащим голосом сказала она, перебирая кулончик на шее, в котором была маленькая фотография ребенка.

5

Был уже вечер.

Автомобиль привез их в старый, давно опустевший сад, рядом с которым протекала река и стоял большой дом.

Они шли по тропе, что вела в дом, держа друг друга за руку.

— Леня, мой милый, как же мне хорошо! Спасибо, что ты привез меня сюда! Мой дорогой сад, мой любимый Леня... Что нужно для счастья? Только этого и хватает! Сердце так сильно бьется, что не могу его остановить. Была бы возможность, остановила!

— Зачем же тебе его останавливать? Тебе нужно жить, мой милый ангел.

— Вернуть бы все назад... Окунуться бы в твои глубокие объятия...

Он остановился. Маргарита смотрела на него, проронив

мучительную слезу, а за ней и другие, которые долгое время прятала.

— Почему же ты плачешь? Рита, прошу тебя, не плачь! Давай все вернем назад. Хочешь?

Где-то с дерева оторвался листочек, а после сразу же улетел в реку.

— Нет, — дрожащим голосом сказала она, хватаясь за свое лицо, — нет, нет! Пойми меня, Леня, я не могу! Ты помнишь тот день?.. Только не говори, что ты не помнишь...

— Я помню, — с комом в горле сказал он.

— Для чего же так получилось? — продолжала плакать Маргарита.- Кому это нужно?! Ведь было все так хорошо! Ты ведь помнишь, как мы встречали рассвет, а потом... Шум из сада... Ужасный крик кухарки: «Упал!!! В реку упал!!!» Я помню только то, как я выбежала, а на руках кухарки... Мальчик... мой! Сережа — утонул! Ах! Ленечка, дурно мне! Дурно! Никогда я себе этого не прощу! Никогда! Мне мучительно больно вспоминать весь этот кошмар! Я, когда в Париже жила, убить себя хотела... Но помощница по дому... помешала!

Леонид продолжал держать ее руки, глядя на ее лицо.

— Ты хотела убить себя? Милая, зачем?..

— Простить себе не могу! Ах! Мальчик мой!

Именно смерть родного сына и являлась причиной расставания. Маргарита и действительно не могла себе этого простить, поэтому и уехала в Париж, где хотела найти утешение.

Они стояли под чудо-цветущим абрикосовым деревом, которое все не хотело засыхать.

Маргарита плакала, прижимаясь к Леониду.

— Если честно, Рита, то у меня дела идут не очень хорошо. Жена требует деньги, которые помогут в дальнейшем ее сыну.

Рита слегка успокоилась.

— Сколько она хочет?

— Рита, таких денег ни у меня, ни у тебя — нет.

Она взяла его за руку и отвела его обратно к дороге, от которой они добрались до этого сада.

6

— Где же ходит твой отец? — спросила Жанна Владимировна, обращаясь к своему сыну, сидящему на кресле.

— Мне без разницы. Главное, чтобы деньги предоставил.

— Не беспокойся, Игорь. Он предоставит их.

— А если нет? Мама (мама), что же будем делать?

— Я люблю его. Наверное... Но вышвырнуть, как нашу старую собаку... смогу.

В гостиную вошла Людмила Ивановна.

— Жанна Владимировна, Игорь Арнольдович, к вам гостья. Очень уж хочет с вами поговорить.

— Кто? — спросила Жанна Владимировна, посмотрев на кухарку.

— Отец теперь посыльных отправлять будет?

— Замолчи, — приказала она своему сыну. — Мы ожидаем, Людмила Ивановна.

В комнату без всякого ожидания, вошла Маргарита Николаевна. На ней было черное платье.

Игорь Арнольдович открыл свой рот и уже привстал, чтобы уступить ей место. Он был удивлен ее красотой.

— Присядь, парниша, — сказала она, кинув в его сторону черную перчатку, от которой пахло дорогими духами.

— Что вы себе позволяете? — возмутилась Жанна Владимировна. — Кто вы такая?

Маргарита села на свободный стул, держа в руке конверт.

— Маргарита Николаевна. Так меня зовут.

— Жанна Владимировна. А меня так зовут.

— И-Игорь Арнольдович, — прошептал парниша, поправляя белую рубашку.

— Мне неинтересны ваши имена, — сказала Маргарита.

— Зачем же вы пришли ко мне? — спросила Жанна Владимировна.

— Я всегда прихожу по делу. Хотелось бы вас попросить, чтобы вы не обижали Леонида Михайловича. Не говорите ему гадких слов, которые ничего не значат. Я слышала, что вы нуждаетесь в деньгах?..

Жанна Владимировна смотрела на конверт, который продолжал находиться в руках Маргариты.

— Все верно, Маргарита Николаевна. Мы нуждаемся в

денег, которые не может предоставить Леонид Михайлович.

— Я способна предоставить вам ту сумму, которую вы требуете. Вот, в этом конверте все и лежит. Я продала самое дорогое, что у меня было.

— Позвольте узнать, что же?

— Дом, вместе с ним и сад, который входил в окрестности.

В комнате раздался смех:

— Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха! — смеялись Жанна Владимировна и Игорь Арнольдович.

— Что же я такого сказала?..

Они успокоились, но с какой-то насмешкой, Жанна Владимировна решила спросить:

— Сад — самое дорогое?.. Что может быть в нем дорогого? Кусты, камни, трава, река... Не вижу ничего дорогого!

Маргарита встала со своего места, положила конверт на стол, а после направилась к двери.

— Если бы вам было дано любить по-настоящему, то вы бы поняли меня. Прощайте, господа, — сказала Маргарита.

После этого — она покинула комнату.

7

Поезд готовился к отъезду. Снова разлука, снова Париж...

— Леонид, я была у...

— Ты была у меня дома? — перебил Леонид.

— Да. Я отдала им сумму, которую они от тебя требовали.

— Моя дорогая, я благодарен тебе...

Мужчина стоял и кричал:

— Проходим! Проходим на поезд! Москва — Париж!

Они оглянулись.

— Мне пора.

— Я знаю.

Она крепко обняла его, как и он ее.

Они чувствовали ту самую весну, которая когда-то была.

Ту самую весну, где было так хорошо. Ту весну, где был жив их единственный сын. Но за каждой весной есть лето и зима.

Она прошла в вагон, а вскоре он тронулся, как и весь поезд. Леонид взглядом провожал, медленно уходящий вагон, где была его любовь. Любимая женщина.

Маргарита смотрела на него через маленькое окно, которое имелось в вагоне.

Он стоял недолго, потому что побежал вслед за вагоном.

Нежданный гость

V.A.Mozart —Requiem

1

Музыка из граммофона звучала с самого утра. Сегодня именины Александры Павловны, которой исполнилось двадцать четыре года. Не юбилей, но тоже хорошая дата и замечательный день, когда можно собрать гостей.

Именины проходили в доме у самого берега моря. Море часто радовало своими волнами и различными ракушками, которые выбрасывало на берег.

— Олеся, гости уже собрались? — спросила Александра, рассматривая себя в зеркале.

— Нет, Александра Павловна, никого еще нет, — ответила Олеся.

Сама Александра была не совсем красивой, но все равно умела привлекать к себе мужчин. Она была среднего роста, рыжеволосой девушкой. И талия была просто великолепием. Лицо было изумительно — изысканным зрелищем.

Вы, конечно же, спросите: почему она некрасивая, когда все практически идеально?.. Душа есть у каждого, но не у каждого она наполнена добротой, светом и любовью.

— Думаю, что можно уже спуститься в гостиную... — сказала Олеся, завершив уборку в комнате.

— Олеся, подожди! Я еще не готова встречать гостей! Ты посмотри на меня... На кого же я похожа?..

— На саму себя, — ответила помощница по дому. — На кого же еще?..

— Вот теперь — все!

Александра слегка поправила брошь и спустилась в гостиную, где еще никого не было.

В гостиной висели белые шторы, возле которых стоял праздничный стол. В комнате имелось несколько стульев и прочих вещей, которые обычно бывают в каждом доме.

— Кто будет на ужине?..

Олеся подошла к окну, чтобы его прикрыть, но все равно смогла ответить:

— Егор Михайлович Восхвалялкин — ваш дальний родственник...

— Гм, — нежно произнесла Александра, присев на мягкий желтый стул, — еще кто?

— Елизавета Николаевна Стервина и ее супруг — Петр Александрович Городилкин...

— Сам глава нашей местности? — удивилась Александра, сделав маленький глоточек из желтенькой чашечки.

— Да. Он ведь каждый год посещает ваши именины и обещает вам, что построит новый дом... Вот увидите, что сегодня он опять об этом скажет...

— Станный он человек...

— И вы.

— Что?

— Ничего, ничего! Мне кажется, что кто-то уже стоит у дверей.

— Олеся, проверь!

Олеся подбежала к белой двери, а после открыла ее. За ней стоял молодой человек, держа в руках букет из желтых цветов.

— Дмитрий Григорьевич, здравствуйте! — поприветствовала Олеся и дала пройти в дом. — Какие замечательные цветы! Для Александры Павловны?

— Да, все верно!

Дмитрий Григорьевич являлся любимым человеком именинницы, но так считал лишь только он. Дмитрий был высокого роста, худого телосложения и черноволосым мужчиной.

— Кто там? — спросила Александра, не заметив Дмитрия, который стоял прямо перед ее лицом.

— Как?... — удивилась Олеся. — Дмитрий Григорьевич! Он перед вами стоит, если вы не видите...

— А... это ты? — вяло удивилась Александра.

— Да, я, — ответил Дмитрий. — Я тебе цветы принес.

— Вижу... — заметила она.

— Почему у тебя нет настроения?

— Зачем ты пришел?

— Александра, у тебя сегодня именины, вот я и пришел.

Твои любимые цветы! Именно желтого цвета!

— Поставь их в вазу, а после можешь уходить.

— Ты не разрешишь мне остаться на твоём празднике?..

— Дмитрий, между нами ничего не может быть... Ты понимаешь это?

Олеся схватила цветы, а после сказала:

— Давайте я поставлю их в вазу.

После этих слов Олеся убежала в соседнюю комнату.

— Александра, почему между нами ничего не может быть? Я много раз тебя спрашивал, но так и не получал ответа.

— Дмитрий, уходи... Я буду считать твой уход, как подарок на мои именины.

Дмитрий взглянул на великолепное платье Александры, а после отправился к дверям, через которые вошел.

Александра ушла на второй этаж, чтобы насладиться мелодией, которую продолжал воспроизводить граммофон.

Он прикоснулся к дверной ручке, но резко убрал свою руку, потому что до него дотронулась Олеся.

— Дмитрий Григорьевич, простите, я, наверное, напугала вас, но я должна вам сказать...

— Я слушаю вас, — уныло сказал он.

— Оставайтесь, Дмитрий Григорьевич. Все будут сидеть в гостиной, ну, а вы посидите в соседней комнате... Это все, что я могу вам предложить...

— Бог, видимо, послал вам такую мысль. Олеся, а вы уди-

вительная женщина.

— Мне очень приятно слышать от вас такие слова! Проходите во вторую гостиную, где очень редко кто бывает. Если вы захотите трапезничать, то позовите меня.

Дмитрий прошел именно туда, куда и сказала Олеся.

— Дмитрий Григорьевич, а вы зачем хотите остаться?..

— Я? — удивился он, словно Олеся обращалась не к нему.

— Если честно, я и сам не знаю.

Из соседней комнаты было слышно, как кричала Александра Павловна:

— Олеся! Олеся!!

Дмитрий подошел к окну, за которым уже стояли долгожданные гости.

2

Городилкин был довольно высокого роста. Ему было тридцать семь, а его супруге тридцать восемь. Сама Стервина была очень красивой женщиной, которая все время любила носить великолепные, красочные платья. Сегодня на ней было фиолетовое платье с красивым бархатным наплечником.

Восхвалялкин был крепким, но глупым человеком. Ему было шестьдесят четыре года, но его поведение было хуже чем у маленького ребенка. В таком возрасте люди наслаждаются уже построенной жизнью, семьей и любовью, но только

не он.

Он любил играть солдатиками, выкрикивая восхваляющие слова.

— Александра Павловна! — улыбочиво сказал Городилкин. — Ручку!.. Ручку свою позвольте... поцеловать!

Городилкин поцеловал ее ручку, а после из-за чего-то споткнулся.

— Невозможная духота и невозможная желтая грязь! — возмутилась Стервина, войдя в дом. — Посмотрите на мое платье! Уже успела его испачкать!

— И-и-го-го!.. — прокричал Егор Михайлович, ворвавшись в дом верхом на швабре. — Санечка, именинница ты моя! Поздравляю! Поздравляю!..

— Спасибо, Егор Михайлович! — поблагодарила Александра, поправив свое белое платье. — Спасибо вам всем! Мне очень приятно, что вы пришли на мои именины!

— Как же наш подарок?.. — опомнилась Елизавета Николаевна. — Где же наш подарок, Петенька?

Петр Александрович поправил свой галстук, а после сказал:

— Спокойно, моя дорогая. Александра, зефирочка вы моя, поверьте... Я прикажу, чтобы вам построили новенький домик!

— Этого будет мало, — сказала Елизавета Николаевна. — Участочек земли надо выделить и домик какой-нибудь... загородный.

— Будет! Все будет!

— Мне двадцать четыре года, но все ни одного дома так и не построили, — посмеялась Александра. — Домиков должно быть ровно двадцать четыре!

— Легко, — с легкостью сказал Городилкин. — Для вас и двадцати пяти домов не... жалко!

— Мой подарочек — вот! — сказал Восхвалялкин, протянув швабру. — Швабра — уникальная вещь! Сам смастерил. Я сам! Сам!

— Верю-верю, мой дорогой родственничек! — сказала Александра, схватив швабру и сразу же швырнула ее, когда Егор Михайлович ушел в гостиную.

К дверям подбежала Олеся.

— Опоздала немного, извините! Все на месте?..

— Да, — строго ответила Александра. — Где ты была? Ты проводила Дмитрия?

— Конечно, — ответила Олеся, увидев, что Стервина по ошибке пошла не к той гостиной. — Елизавета Николаевна, вы куда?

Она обернулась, слегка дотронувшись до дверной ручки, с помощью которой открывалась дверь в ту комнату, где сидел Дмитрий Григорьевич.

— В гостиную, — ответила Стервина. — Куда же еще?..

В праздничной гостиной было слышно, как Городилкин разговаривал с Восхвалялкиным:

— Мой отец еще строил этот дом... Представляете? —

вспомнил Городилкин, дотронувшись до какой-то доски, которая была возле окна. — Посмотрите, как же качественно выполнена работа!

Доска сразу же отвалилась, когда Городилкин убрал свою руку. Она упала на его ногу.

— О-у-ф-ф! — вскрикнул Городилкин.

— Да, качественно ваш род строил дома, — с насмешкой сказал Восхвалялкин. — А вы видели мои медали?

— Да, как-то удавалось! — ответил Городилкин, поглядывая на свою ногу.

Егор Михайлович распахнул пиджак, под которым были желтые медали.

— Вот... любуйтесь! Ровно двадцать две!

— За какие же подвиги вы их получили?

— Не могу сказать... Самому интересно! Мне их просто так выдали...

— Хо-хо! Как же так?

— А вот так!

Стервина продолжала стоять у дверей в гостиную.

— А что же не так? — спросила она.

— В той комнате мы не празднуем! — ответила Олеся. — Мы будем находиться в другой! Прошу к столу!

3

Все сидели за столом, обсуждая разные вещи.

— Александра Павловна, а вы все так же живете одна?
— поинтересовалась Стервина, сделав маленький глоточек желтого шампанского.

— Одна, — тихо ответила она.

— Все еще будет! — сказал Городилкин.

Восхвалялкин встал, после чего сказал:

— Молодежь! Ничего вы не понимаете! Любви в наше время — нет! Она умерла!

— Протестую! — крикнула Городилкин. — Как вы можете такое говорить? Я живу с моей ласточкой, а это значит, что между нами есть любовь! Слышите? Она есть, но только не приходит к тем, кто играет солдатиками!..

Егор Михайлович прищурился в сторону Петра Степановича.

— У вас? Любовь?! Хо-хо! Не смешите меня!

Олеся стояла около именинницы, но тихо смогла убежать в соседнюю комнату, где находился Дмитрий.

— Олеся, что у вас за шум? — спросил Дмитрий.

— Не волнуйтесь, Дмитрий Григорьевич, это так всегда. Петр Степанович и Егор Михайлович вечно ругаются... Хотите желтого шампанского?..

— Нет, спасибо... Мне плохо от желтого цвета! Вам он нравится?

— Не могу сказать... Я уже привыкла видеть его везде.

Из гостиной было слышно, как они продолжали спорить:

— Петр Степанович, у вас не может быть любви, потому

что Елизавета Михайловна любит не вас, а ваше богатство, дряблые дома и денежные доку-менты! Да и поймите, она вас не любит!

— Прекратите! — пыталась успокоить Александра. — Не забывайте, что вы на празднике!

Городилкин встал со своего места и странно взмахнул рукой, словно хотел ударить, но так и не ударил. «Поправил рукава», называется.

— Как вы можете так говорить?..

Елизавета хихикнула, а после сказала:

— А чему ты удивляешься?.. Это действительно так!

Наступил такой хаос, что и представить было невозможно. Городилкин удивленно смотрел на свою жену, а Восхвалялкин — смеялся, чуть ли не падая со стула. Александра схватилась за голову, пытаясь что-то сказать, но так ничего и не получилось, потому что парадная дверь резко открылась...

Из граммофона продолжала выходить мелодия.

Все замерло.

В дом вошла женщина в красном платье.

— В-Варвара Леонидовна?... — удивилась Стервина.

Удивился и ее супруг:

— Ба!..

Он был удивлен настолько, что снова упал на свое место, где и сидел до этого.

Егор Михайлович ничего не мог сказать, потому что был тоже сильно удивлен.

— Здравствуйте, родные... — поприветствовала Варвара Леонидовна.

Александра подбежала к ней и крепко обняла ее своими нежными руками.

— Мама! — нежно прошептала она. — Mamочка...

— И я рада тебя видеть, моя дорогая!

Очухался и Восхвалялкин:

— Варвара Леонидовна, а вы к чему так приехали? Вы ведь уехали в Америку, прости Господи!

— По дому ужасно соскучилась, — сразу же ответила она. — Как я могла не приехать, когда у моей дочери сегодня именины!

— Действительно... — прошептал Городилкин.

Если честно, то она уехала в Америку за своим любовником, который сразу же бросил ее, потратив все ее денежные средства. Говорят, что Дмитрий Григорьевич даже очень хорошо ее знал, но, к сожалению, смог забыть.

— Олеся, там кто-то пришел?.. — спросил Дмитрий, поглядев в маленькую щель, которая вела в соседнюю комнату, где проходил праздник.

Через эту щель он почувствовал дорогой аромат духов, которых не было больше ни у кого. Они вскружили ему голову так, что он смог забыть про вредную Александру.

Он чувствовал аромат ванили, цветущей сирени, которая была под его окном, но теперь и в самом сердце, тонкие нотки цветущего жасмина и спелой вишни.

Его сердце билось под каждое слово, которое произносила нежданная гостья. Он видел, как нежные губы сочетались с ее красивым платьем и ее прекрасным сердцем. Ее волосы были каштанового цвета, как и сам каштан, что лежал на столе.

Олеся тоже посмотрела в щель, после чего была жутко удивлена:

— Варвара Леонидовна?!

— Кто это? — спросил Дмитрий.

— Тише-тише, надо послушать... Что же она там говорит?..

— Олеся, объясни мне, кто такая Варвара Леонидовна?..

— Лучше вам и не знать... Отвернитесь и не смотрите на нее!

— Почему же?..

— Варвара Леонидовна Сердцеедова — родная мать Александры Павловны. У нее было столько любовников, что со всеми существующими домами не сравнишь! Ах! Как же я завидую ей...

Дмитрий проглотил какой-то собравшийся ком в горле.

— Варенька...

— Что? — удивилась Олеся.

— Ничего!

— Неужели вы влюбились?.. Как же она быстро вас завожила!..

Дмитрий молчал, потому что это было действительно так.

Его сердце продолжало биться ровно, как и всегда, но оно было переполнено каким-то чувством.

— Почему же она вернулась? — спросил Дмитрий.

— Опять любовник бросил... — предположила Олеся. — Так было всегда, когда она возвращалась домой.

Дмитрий встал и сразу же направился к выходу.

— Дмитрий Григорьевич, вы куда?.. Только не говорите, что вы пошли к ней!.. Не смейте выходить!

— Олеся, мое сердце переполняется! Мне кажется, что я ее уже видел... Я ее вспомнил! Ну конечно!

— Хорошо, но только подождите, когда она поднимется к себе в комнату. Прошу вас...

4

Праздник подходил к концу. Все гости накинули на себя легкие плащи, потому что на улице шел дождь.

Часы пробили девять часов вечера, и желтая кукушка пропела, что пора идти всем по домам.

Все гости разошлись.

— Мамочка, твоя комната уже готова к твоему визиту. Я ничего в ней не меняла.

— Спасибо, моя дорогая. Я заметила, что тебе нравится желтый цвет...

— Я просто его обожаю!

— А я где-то читала, что желтый цвет — это цвет пошло-

сти и грязи... Или это вранье?

— Конечно же вранье, мамочка.

— Хорошо, — прошептала Варвара Леонидовна.

Комната была очень красивой, как и ее хозяйка. Все предметы были белого цвета, как и нравилось Варваре Леонидовне.

Она прошла к большому зеркалу, которое стояло у окна, и было слегка прикрыто белой вуалью.

— Как же я устала от вечного обмана, который все время преследует меня... — прошептала она, глядя в зеркало. — Что же такое настоящая любовь без пошлости и вранья?..

В комнате раздался звук.

— Кто здесь? — слегка испугалась она. — Александра, это ты?..

На соседнем кресле, что стояло недалеко от зеркала, сидел Дмитрий Григорьевич, который смог тихо проникнуть в комнату.

— Кто вы? — спросила она, увидев, как Дмитрий продолжал сидеть на кресле.

— Не бойтесь, Варвара Леонидовна. Я пришел к вам поговорить...

— Молодой человек, как вы попали ко мне в комнату? И вообще, как вы попали ко мне в дом?..

— Разве вы меня не помните, Варвара Леонидовна?.. Я вас увидел впервые, когда мне было пятнадцать лет. И можно сказать, что через долгие годы... Я снова увидел вас впер-

вые... Я забыл вас, как и вы меня, но благодаря вашим душам...

— Дмитрий? — перебила Варвара Леонидовна.

— Верно...

— Ты так сильно изменился...

— И вы изменились. Вы стали такой... Такой...

— Какой же? — нежно спросила она.

Он встал со своего места и подошел к ней так близко, что касался ее рук.

— У меня нет слов, Варвара Леонидовна... Я думал, что я больше не увижу вас!

Она опустила свой взгляд, потому что он касался ее рук, нежно трогая ее пальцы, на которых были кольца.

— Дмитрий, что ты себе позволяешь?..

— Ваше нежное дыхание душит мое сердце... Разрешите же мне кое-что вам сказать...

— Что же ты хочешь мне сказать? — спросила она, продолжая смотреть в пол, лишь бы не ему в глаза.

— Я помню, как вы меня называли прелестным юношей, когда впервые увидел вас... Вам пора понять, что юноша вырос... Он хочет любви, как и вы...

— К чему ты идешь?..

— Мне становится жалко вас, когда я начинаю понимать, что вас обидело столько невежественных мужчин разных лет. Вы не достойны этого...

Она отошла от него, потому что из ее глаз потекли слезы.

— Прекрати, мой милый друг... Мне действительно больно. Зачем ты давишь на меня?..

— Это не я давлю на вас, а желтые стены этого дома!

Она отвернулась от него, чтобы успокоиться от услышанных напоминаний.

— Дмитрий, идите домой... Зачем же вы пришли ко мне?

— Я люблю вас, — с искренностью сказал он, упав прямо в ноги Варвары Леонидовны, и резко обхватив их так крепко, что невозможно было сделать шаг.

Ее сердце билось, как и сердце Дмитрия.

— Что вы сказали? — тихо удивилась она.

— Я люблю вас! Люблю! Люблю!

— Не-е-ет, — отрицательно сказала она, пытаясь сдвинуться с места. — Какая может быть между нами любовь? В моих глазах вы такой же ребенок, как несколько лет назад!

Он продолжал крепко держаться за ноги Варвары Леонидовны, словно верный пес.

— Прекратите же, Дмитрий! — со слезами сказала она, отворачиваясь от него. — Мне и так больно... Мне не хочется чувствовать боль в своем сердце, которую оставили мне мужчины... Я боюсь, что и вы такой!

— Нет, нет! Я буду любить вас, мой нежный ангел... Посмотрите же мне в глаза!

Он отцепился от нее, потому что она начала захлебываться в своих слезах.

— Простите меня, простите! Я не хочу вам этого гово-

ритель, но должен... Ваша дочь — настоящая дура, которой не нужна любовь и забота, потому что она не может себе и представить, что такое любовь!

Варвара Леонидовна упала на белоснежный диван, схватив какую-то шкатулку с соседнего стола.

— Вы говорите, что любите меня?..

— Да, — сразу же ответил Дмитрий, подползая к ней на коленях.

— Тогда возьмите это... — сказала она, протянув странную шкатулку, в которой находился какой-то твердый предмет.

Дмитрий взял ее, а после аккуратно открыл. Красивая шкатулка, где находился револьвер, упала на пол...

— Я не могу поступить иначе, Дмитрий...

— Зачем вы дали его мне?..

— Сделай с ним все, что хочешь... Докажи мне, что любишь меня, и я сразу же поверю в твою любовь, мой дорогой друг...

— Сколько в нем патронов?

— Один.

— Я докажу вам, что я люблю вас! Слышите?.. Я докажу вам!

Он встал с пола и резко покинул комнату, держа в руке револьвер.

Наступило утро. Варвара Леонидовна сидела в своей комнате и распивала чай из маленькой розовой чашечки.

Граммофон издавал американскую мелодию, а за окном отпадала желтая листва.

В комнату забежала Олеся, держа в руке какое-то письмо.

— Олеся? — мило удивилась Варвара Леонидовна. — Проходи, моя дорогая! Хочешь кофе?..

Она молчала, выпустив одну слезу и одновременно трясла конверт, который все также находился в ее руках.

— Олеся? — уже серьезно удивилась она, поднимаясь со своего места. — Что у тебя в руках?..

— П-п-приходил человек... — заикаясь заговорила она, — сказал, что нам письмо... И сказал, что адресант — мертв...

— Бог с этим адресантом, моя дорогая. Это, наверное, мой пятидесяти летний любовник отправил... Он уж жутко болел...

— Если бы... — перебила Олеся.

— Что? От кого письмо?..

— Дмитрий Григорьевич... мертв.

— Что ты такое говоришь?! Этого не может быть! — удивилась Варвара Леонидовна, выронив единственный патрон от револьвера, который и должен был в нем находиться.

— Я сама поверить не могу! — начала плакать Олеся. — Он вам письмо написал перед смертью...

Олеся протянула конверт, а Варвара Леонидовна начала читать...

Моя дорогая, как же мне больно, что Вы мне не верите. Если Вы это читаете, Варвара Леонидовна, то это значит, что я прошел Ваше испытание... Меня больше нет.

Вы обманули меня, сунув мне незаряженный револьвер. Как же это глупо. Вы забыли, что я уже не тот юноша, который бегал по вашему саду. Я человек, который любит Вас. Я был готов целовать Ваши руки до безумства, как и Ваши нежные губы, если только бы мне дали жизнь.

Прошу Вас, вспоминайте меня, любовь моя!

Как писал сам А. С. Пушкин:

«Я вас любил так искренно, так нежно
Как дай вам Бог любимой быть другим.».

Д. Г. Н.

6

На улице был вечер. В комнате Варвары Леонидовны было темно, как и в самом сердце. Она сидела у окна и тихо скулила, словно пес, у которого болела лапа. Она плакала, не скрывая своих эмоций, и одновременно смотрела на столик, где стояли иконы.

В комнату вошла Александра Павловна.

— Мама, почему ты плачешь? — спросила Александра.

— Все хорошо, моя дорогая, — ответила Варвара Леонидовна, сидя спиной к своей дочери, что не позволяло видеть ее лица.

— Мама, когда в жизни все хорошо, то люди не плачут... Что-то случилось?..

— Он любил меня... — ответила Варвара Леонидовна, замурив свои глаза, но все равно продолжала плакать, прижимая к своей груди, то самое письмо.

Метель в моем сердце

Посвящается Я. Ю.

1

На улице была страшная метель. На дворе декабрь, а это значит, что уже давно наступила зима.

— Здравствуйте, Евгения Николаевна, ну и погода. Заметили?

— Заметила, Николай Александрович, заметила. Погода приносит много работы.

Служанка прошла к окну, чтобы посмотреть на метель.

— Да... Вам не страшно было к нам идти? Ничего ведь не видно!

— Не страшно. Если бы не Афродита Павловна, то я бы не пришел.

Евгения Николаевна была уже в возрасте. Ей было шестьдесят семь лет, но она старалась оставаться все такой же красивой, как и Афродита Павловна.

Афродита Павловна была великолепием. Говорят, что, когда она смотрела на кого-либо, то душе и сердцу становилось приятно, а когда она прятала свой прекрасный взгляд, то и

жить не хотелось.

— Николай Александрович, мой дорогой друг, поймите, вы еще так молоды. Ну не мучайте вы так себя!..

— О чем вы?

— Трудно говорить, но я должна об этом сказать. У Афродиты Павловны Александр Григорьевич Шольц — немец по происхождению.

— Как?! Опять он?..

— Прошу вас, успокойтесь! Поймите же, что в жизни vezet не всегда. Если так получается, значит кому-то так нужно!

Николай Александрович хотел пройти в соседнюю комнату, где и находилась Афродита Павловна.

— Коля, Богом прошу, не надо!

Он прошел в комнату, резко оттолкнув белую дверь.

2

На диване сидела Афродита Павловна полностью в белом одеянии, а рядом сидел Александр Григорьевич Шольц и рассказывал ей какие-то истории.

— Коля? — удивилась она.

— Александр! — крикнул Николай, схватив его за воротник белой рубашки. — Я предупреждал вас, что не стоит приходить к моей Афродите!

— А я предупреждать вас, что не стоит говорить со мной

в таком тоне! — с акцентом заговорил немец, резко убрав руки Николая.

Афродита встала со своего места и подбежала к окну, за которым была страшная метель.

— Вы обижать мою Афродиту! — тонко сказал Александр.

Николай ударил по столику, который стоял совсем рядом, а после крикнул:

— Я вызываю вас на дуэль!

Александр посмеялся, поправив свой фрак.

— Хорошо, — сказал он, словно русский.

Николай посмотрел на свою любимую, потому что она начала плакать, прикрывая свое лицо черным, приятно пахнущим платочком.

— Сегодня... Я ждать вас у дуба, — добавил немец и покинул комнату.

Николай сел на диван, на котором недавно сидела его любимая.

— Афродита, моя любимая, подойди ко мне. Почему же ты плачешь?..

— Прости меня, Коля, прости!..

— Моя дорогая, за что?

Она стояла у окна, но нашла последние силы, чтобы сказать:

— Коля, я люблю Александра. Я — его любовница...

Николай спокойно, но с какой-то тяжестью, встал с этого

хрупкого диванчика, и сразу же подошел к Афродите.

Было видно, как его рука тряслась, но он и сам не мог понять, почему же...

— Ты хочешь ударить меня?.. — тихо спросила она.

Он молчал.

— Прокляни же меня, Коля! Ударь меня! Я заслужила!

Николай ударил по столу, у которого стояла Афродита, а после отрицательно кивал головой, смотря прямо в глаза своей любимой.

— Не могу... Ты слышишь меня? Не могу!..

Афродита подбежала к соседнему столику, на котором лежал ножичек. Она схватила его и, обернувшись сказала:

— Я сама. Я сама убью себя! Я не могу так, Коля! Это все любовь! Она движет разумом человека! Она мой надзиратель, а я ее подчиненная... Не могу так, Коля...

Николай подбежал к ней и сразу же выхватил нож, а потом швырнул его в угол комнаты.

— Не смей, — прошептал он. — Если ты любишь, то люби. Но ты должна знать, что я люблю тебя, и буду любить. Моя дорогая, прощай... Прощай, мой ангел. Твой платок — напоминание о радости и любви.

Николай покинул комнату, а Афродита упала на пол, схватившись трясущимися руками за свое лицо, и одновременно задыхаясь в своих слезах.

Наступил момент дуэли. На улице продолжала идти страшная метель, из-за которой было не видно даже своих рук, если преподнести их к своим глазам.

Толстый мужичек бегал то к Александру, то к Николаю, чтобы выдать оружие. Он махнул рукой, но после опомнился, что он был настолько низок по сравнению с силой природы. Ему пришлось крикнуть:

— Господа, подойдите с оружием ко мне!

Немец гордо вышагивал каждый свой шаг, а Николай со своей поникшей головой, плелся, словно старая лошадь.

— Господа, не думаете ли вы, что нам стоит отменить дуэль? Метель! Метель идет! Черта не видно!

Немец поправил свои усы, которые морозил русский мороз.

— Nein! (Нет!) — крикнул он, потому что из-за метели было плохо слышно.

Толстый мужчина посмотрел на немца, а после и на Николая.

— Николай?.. — спросил мужчина.

— Я сделал вызов, — тяжело сказал он, рассматривая свое оружие. — Я не вправе отказаться.

— Ваше решение принято, господа?

Немец и Николай ничего не ответили, а сразу же встали друг к другу спинами, преподнеся револьверы к своей мужской груди.

— Расходимся, господа!

Они разошлись, сделав ровно двадцать четыре шага. Метель продолжалась.

Толстый мужчина посмотрел на свои карманные часы, чтобы узнать время, но стрелки больше не хотели идти. Время остановилось. Замерло.

— Стреляйте!.. — с эхом прокричал мужчина. — Стреляйте!..

В пистолетах было по два патрона. Ровно столько же раздалось выстрелов в разное время, но с разницей на три секунды. Немец выстрелил первым, но промахнулся на первом же патроне. Про второй патрон было неизвестно.

Из пистолетов продолжал выходить дым.

Немец прищурился, а после радостно крикнул:

— Попаль! Попаль!

Толстый мужчина прищурился в сторону Николая, перекрестившись один раз.

— Как?.. — удивился он и сразу же побежал к Николаю.

Он лежал на снегу, а под его телом виднелось красное пятно. Рядом лежал пистолет, который выпал из его скрученной руки. Николай лежал неподвижно, а на его лице было спокойствие.

Александр подошел к мужчине, что упал на колени перед телом покойного.

— Ну, умерь? — с акцентом спросил немец.

— Вы промахнулись, сударь. У вас ни одного попадания,

как и у Николая.

— Как?! — удивился он. — Я ведь попал! Я убить его!

— Один патрон сохранился, — сказал мужчина, трогая пистолет, — а это значит, что второй находится в нем.

Кто бы знал, что его погубил не патрон, а любовь...

Злопамятные чувства

1

— Моя дорогая, тебе не холодно стоять у окна? — поинтересовалась девушка, сидя на стуле.

— Нет, моя любимая сестра, мне не холодно, — ответила девушка, которой был задан вопрос.

Сестры жили в большом доме. Он достался им от покойного отца. Дом, если говорить честно, был большим, но неудобным. В нем все время чего-то не хватало.

Белые шторы спускались прямо вниз, слегка дотрагиваясь до белых стен, рядом с которыми стояли колонны. Стулья были разбросаны по углам гостиной, а стол продолжал стоять на своем месте — в центре.

— Оля, отойди от окна, прошу тебя. Весна очень обманчива.

— Тебе жалко окна? — спросила она.

— Нет, я боюсь, что ты простынешь.

— Не простыну.

— Ну смотри! Мне потом будет не до тебя, чтобы ходить и ухаживать за тобой. К нам едет наша сестра, а ты встала и стоишь у окна.

— Я ее и ожидаю. Жду, когда экипаж подъедет.

— Ну-ну, жди, жди.

Ольга продолжала стоять у окна, через которое чувствовался весенний ветерок, гоняющий листья, что когда-то отдыхали под снегом.

В гостиную зашел мужчина.

— Позвольте... Анна Николаевна прибыла! — с запинкой произнес он, посмотрев на сидящую хозяйку.

Ольга повернулась в сторону двери, где и стоял этот мужчина.

— Егор Тимофеевич, спасибо, что поставили в известность. Просим! — радостно сказала девушка, поднимаясь со своего места.

— Слушаю! — сказал тот, покинув комнату.

Ольга сияла от счастья.

— Маша, сестра приехала! Мне не верится, что этот день настал!

— И мне! И мне, моя дорогая!

В гостиную вошла девушка с привлекательной внешностью. На ней было белое платье, у которого свисали рукава, но не до самого пола. Волосы аккуратно были убраны и пахло от нее апельсином.

— Маша, Оля! — с улыбкой сказала третья сестра.

Ольга и Мария накинулись на нее со своими крепкими, любовными объятиями.

— Мои дорогие, как же я скучала по вам! Как же мне не хватало вас! — проговорила Анна, проронив слезы.

— Аня, мы рады видеть тебя! — с улыбкой сказала Ольга, продолжая обнимать свою сестру. — Мы с Машей ждали тебя!

— С приездом, Аня! — добавила Мария к словам своей сестры.

— Целый год не виделись, а так изменились! — со слезами сказала Анна.

— Не плачь, пойдем к столу! — сказала Ольга.

— Егор Тимофеевич, подготовьте стол! — крикнула Мария, ласково дотрагиваясь до плеча Анны.

Вечер уже виднелся.

2

Девушки сидели за большим столом, продолжая находиться в гостиной. На улице было уже темно, но маленькие огоньки (свечки) продолжали упорно освещать комнату.

Анна Николаевна покинула своих сестер, потому что нужно было решить какие-то личные вопросы. Целый год она отсутствовала, не видя своих сестер.

Ольга была младшей сестрой, Мария — старшей, ну, а Анна — средней. Сестры Ермоловы жили без любимых мужчин. Их и не было, если быть откровеннее.

— Девочки, как жили без меня?

— Аня, все хорошо, — ответила Ольга.

— Ты не переживай за нас, Аня, расскажи нам, ты смогла

решить свои проблемы? — спросила Мария.

Анна посмотрела на своих сестер, а после ответила:

— Если честно, я ездила в другой город, чтобы решить не свои проблемы, а нашу... Одну — единственную. Наш отец, пусть покойся с миром, не оставил завещания. Наш большой дом мог бы достаться кому угодно. Я решила ничего вам об этом не говорить, мало ли... В тот момент вас окружали разные мужчины, от которых можно было многое ожидать...

— Ты составила завещание? — спросила Ольга.

— Действительно, ты составила его? И, да, на кого? — спросила и Мария.

— На днях должен приехать мужчина с бумагами, и я должна буду их подписать. В завещании будет говориться, что дом поделен на три равные части: Ермоловой Марии Николаевне, Ермоловой Ольге Николаевне и Ермоловой Анне Николаевне — мне.

В комнату вошел Егор Тимофеевич.

— Разрешите сказать...

Девушки посмотрели в его сторону.

— Говорите, Егор Тимофеевич, — сказала Ольга.

— Приходил Медведев, эм-с, да...

— Зачем? — спросила Мария.

Анна странно задумалась, словно вспомнила что-то.

— Что он хотел? — задала другой вопрос Мария, продолжая смотреть на Егора Тимофеевича.

Ольга пригляделась.

— Ой, девочки, да он пьян! — сказала Ольга, поднимаясь со своего места.

Она подошла к шатающемуся Егору Тимофеевичу и аккуратно посадила его на кресло.

— Медведев сказал, что желает видеть... Эхх-мс!

— Будьте здоровы! — одновременно сказали Мария и Ольга, а Анна продолжала внимательно слушать пьяного садовника.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака цветок и страстно понюхал его.

— Благодарствую! — прошептал старый садовник. — Медведев сказал, что желает видеть Анну Николаевну...

Анна поднялась со стула, после чего он упал.

Ольга и Мария посмотрели на свою сестру.

— Марк Дмитриевич?! — удивилась Анна, перебирая дыхание.

— Он самый! Да... — ответил садовник.

Анна подняла свой стул и села обратно на свое место. Садовник уснул прямо в кресле. Ольга и Мария подошли к своей сестре, на которой было счастливое, но слегка грустное лицо. Они дотронулись до нее, после чего Мария спросила:

— Аня, с тобой все хорошо? Ты бледна...

— Да, все хорошо, — сразу же ответила она.

— Маша, как же ты не поймешь, что наша дорогая сестра устала. Аня, пройдем со мной, я напомним тебе, где находится твоя комната.

— Да, Оля, пожалуй, я пройду с тобой. Я действительно устала... Маша, доброй ночи.

Ольга помогла встать своей сестре, но Мария встала у двери, что вела в комнату Анны.

— Оля, а я тебе говорила, что не нужно открывать окна! Теперь ты видишь?.. Аня заболела!

— Я не болею, Маша, — прошептала Анна.

Свечи горели всю ночь, как и сердце Анны.

3

Наступило утро. Анна находилась в своей комнате, которая ничем не отличалась от гостиной. В ней также находились белые шторы, мебель и одна колонна, словно из Древней Греции. Она смотрела в окно, а рядом ходила Мария, держа в руках альбом с фотографиями.

— Недавно смотрела наши фотографии, так хорошо на душе стало.

Анна молчала.

— Не хочешь ли ты мне рассказать, каким образом фотография Павла Павловича Надоелова, оказалась в нашем, напомним, личном альбоме?

Анна продолжала молчать.

— Аня? — ласково спросила Мария, отложив альбом.

— Как ты помнишь... я любила его. К сожалению, любовь бывает обманчива. Я долго хранила эту фотографию, а сей-

час, когда мне двадцать пять лет, Маша, дай ее мне, я готова расправиться с ней...

Мария протянула маленькую фотографию, на которой были изображены Павел Павлович Надоелов и Анна Николаевна.

Резкими движениями она разорвала ее, а после швырнула в другую сторону.

— Маша, Медведев давно приходит ко мне?..

— Нет, — ответила она. — Только вчера. Но, мне бы хотелось, чтобы он почаще навещал нас, потому что он замечательный, добрый, красивый и непредсказуемый человек! Не думай, что я такая глупая... Я видела твою реакцию на вчерашнем вечере... Ты проявляешь к нему чувства?.. Скажи честно.

— Да... Я люблю его! Я не могла любить двух одновременно... Я любила Павла Павловича, но сейчас...

— Я прекрасно понимаю тебя, моя дорогая, но проявляет ли чувства он? Ах! Зачем я спрашиваю... Ты ведь не виделась с ним...

— Я не знаю... Я помню, как год назад, он ухаживал за мной: дарил цветы, водил в театр на оперу, но сейчас... Какой же он сейчас?.. Только Бог знает!

Мария прислушалась к голосам с улицы. Она поняла, что Егор Тимофеевич с кем-то разговаривал.

— Маша, что такое?

— Аня, он пришел, — сказала Мария, стоя уже у окна. —

Мне придется оставить тебя, чтобы узнать цель его визита.

Анна встала со своего места.

— Я с тобой!

— Нет, оставайся здесь, я сейчас подойду!

Мария Николаевна ушла, оставив Анну одну в комнате.

Было слышно, как кто-то вошел в дом.

4

Анна сидела на стуле, поглядывая на дверь и одновременно на окно. Ее волосы были убраны все также аккуратно. В комнате пахло разными цветами, что росли в саду. Садовник был хоть и пьян, но умел правильно ухаживать за цветами.

«Цветы — это девушки», — так думал садовник.

Часы в доме давно не работали. Они стояли на своем месте уже несколько месяцев. Причина была неизвестна. Но Анна все равно поглядывала на них, ожидая какого-то чуда.

Скрипнула дверь. Дыхание Анны на время остановилось.

В ее комнату вошел высокий мужчина, на котором был черный фрак.

Она встала, а он сказал:

— Анечка, сиди.

Она села на свое место, а он сел на свободный стул, который стоял рядом с ней.

— Марк, — прошептала она, — я рада видеть тебя.

— Взаимно, Анна Николаевна, взаимно, — с неким холо-

дом сказал он.

В его руках находилось множество бумаг, но одна из бумажек отличалась. Именно ее он держал очень крепко, стараясь лишний раз не показывать Анне.

— Как я понимаю, вы пришли не просто так?..

— Совершенно верно. Я узнал, что ты приехала. Мы давно не виделись... Как твои дела?

Она смотрела ему в глаза.

— Все хорошо.

Он посмотрел и в ее глаза.

— Ты так сильно изменилась, Аня.

— И ты, Марк.

Он отложил все бумаги в сторону, но продолжал держать ту самую отличающуюся бумажку.

— Я до сих пор помню, как я ухаживал за тобой, Аня... Водил тебя в театр, дарил тебе цветы, но все обрушилось из-за одного человека... Где же твой Надоелов?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.